

РУССКАЯ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ПУТЬ К ПЛЮРАЛИЗМУ

А. В. Сперанский¹, П. А. Сперанский²

¹ *Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук, г. Екатеринбург, Российская Федерация*

² *Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Российская Федерация*

В статье рассматривается процесс осмысления русской истории на разных этапах развития, показывается сложность и неоднозначность ее восприятия историками, выражавшими разные взгляды и убеждения. Дается анализ основных интерпретаций истории России в трудах отечественных и зарубежных авторов, показывается значимость, позитивное и негативное влияние на осмысление исторического процесса религиозного, историко-материалистического, либерально-исторического, технологического и локально-исторического подходов. Главный авторский вывод сводится к необходимости плюралистического осмысления отечественной истории, дающего подлинно научное понимание происходивших ранее событий и процессов, обеспечивающего равноуважительное отношение к различным концептуально-методологическим интерпретациям, базирующимся на хорошо аргументированной теоретико-фактологической основе.

Ключевые слова: Россия, история, концепция, методология, интерпретация, точка зрения, аргумент, научный подход, плюрализм.

В современной ситуации сложившейся на международной арене, Россия, оказавшись под жестким экономическим, политическим и идеологическим прессингом Запада, вынуждена вести круговую оборону по всему периметру своих жизненных интересов, включая и сферу исторических знаний. История России подвергается значительной ревизии с целью опорочить и исказить наши достижения, преуменьшить роль нашего государства в мировом историческом процессе. Поэтому объективное понимание Отечественной истории, защита ее от политических инсинуаций становится сегодня вопросом национальной безопасности, правильное решение которого сохраняет идейно-духовное единство русского социума, его культурно-исторический код.

Многие историки, способные к методологическому осмыслению прошлого, с разной степенью успеха, пытались объяснить значимость накопления и использования исторических знаний в современной практике социальных отношений, определить место России, ее прошлого, настоящего и будущего в развитии мировой цивилизации. Только за последние годы по этой проблематике были опубликованы очень интересные и содержательные работы В. В. Алексеева [1], Б. В. Личмана [13], Н. А. Нарочницкой [16], Л. П. Репиной [21] и других исследователей. Поэтому, размышления изложенные в этой статье, по сути являются продолжением уже начатого разговора и представляет собой авторский взгляд не претендующий на истину в последней инстанции, а призывающий к дальнейшей дискуссии.

На рубеже XX—XXI вв. Россия в очередной раз оказалась на «крутом повороте» своей истории, что выразилось в крушении советской государственности, основанной на коммунистической идеологии и начале процесса либерализации. Однако либеральные реформы, проводимые в современной России, отличаются противоречивостью, порождают социальную напряженность, что замедляет темпы преобразований.

В сложившейся ситуации неизмеримо возрастает социальная значимость истории, так как общество

ждет от ученых исчерпывающих ответов, способных на основе исторического опыта разрешать современные проблемы. Однако надо понимать, что простых ответов на сложные вопросы современности история дать не может. По определению знаменитого французского историка Марка Блока, являясь «социальной памятью человечества», она представляет собой очень тонкий и не надежный инструмент [4]. Процессы забывания, намеренного искажения и изъятия событий, характерные для памяти отдельного человека, в полной мере проявляются и в памяти всего человечества — истории. Тот или иной факт может быть просто не зафиксирован в анналах истории, характеризоваться с различных точек зрения, исказиться в угоду господствующей конъюнктуре или быть специально изъятым как не вписывающийся в заранее выстроенную научную или общественно-политическую модель.

История России в полной мере соответствует вышеназванным характеристикам. Наличие многочисленных источников и научных публикаций, от древних летописей до современных монографий и статей, демонстрирует множество разнообразных, а порой противоположных оценок по одним и тем же событиям, прочно закрепляя в общественном сознании суждение о том, что «У России несколько историй...».

По нашему мнению, имеющиеся в русской истории точки зрения и научные концепции методологически можно разделить на три основные интерпретации, критериями которых выступают предмет исследования и представления об историческом процессе: религиозно-историческую, всемирно-историческую и локально-историческую. Первые две интерпретации на определенных этапах изучения господствовали в понимании русской истории, третья никогда не поддерживалась большинством историков, но присутствовала и присутствует в методологии, как самостоятельное, оригинальное суждение.

Православное осознание мирового исторического процесса стало основой формирования

религиозно-исторической (православной) интерпретации русской истории, господствующей при составлении летописей и написании первых исторических трактатов примерно с XI по XVII вв. Предметом исследования в границах этого понимания истории является духовная сторона человеческого бытия, включающая в себя веру в скоротечность материального и вечность духовного мира. Эта интерпретация жизнедеятельности человеческой цивилизации, основанная в значительной мере на мистицизме и мифологизме, тем не менее, характеризуется первыми попытками ответить на кардинальные вопросы истории: о смысле исторического процесса; о начале и конце истории человечества; о ее содержании и структуре.

Ответы полученные на поставленные вопросы в рамках обозначенной интерпретации стали фундаментом миропонимания и восприятия истории человечества, хотя с высоты сегодняшнего уровня развития исторической науки выглядят мало аргументированными и наивными.

Следует отметить, что в религиозно-историческом объяснении мировой эволюции имеет место определенный рационализм, используемый в современных научных концепциях. В частности, линейно-стадиальный характер развития мировой истории по пути прогресса, заложенный во многие современные теории, имеет место в православном определении исторического процесса, как движения человечества к Богу, в ходе которого оно освобождается от животных страстей и постигает некую абсолютную истину. Элементы модернизационного мышления прослеживаются в выводе о том, что православное христианство определяет уровень развития человечества, так как народы, которые раньше всех восприняли его, стали мировыми лидерами, опоздавшие вынуждены догонять ушедших вперед, а не принявшие учения оказались в периферийно-языческом тупике и потеряли историческую перспективу.

Однако нельзя отрицать и то, что религиозная мифология, активно воздействующая на осмысление исторического процесса, способствует возникновению умозаключений мешающих рациональному восприятию истории. Так, выделение эпизода грехопадения Адама и Евы, как начала истории, вряд ли может удовлетворить современное общество, стремящееся к пониманию истоков своего происхождения, а утверждение, что конец истории является божественным приоритетом, выходит за рамки человеческого разума и не может быть предопределен, объективно налагает запрет на возможность исторического прогнозирования.

В русской истории к трудам, написанным в рамках религиозно-исторической интерпретации, можно отнести: «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона (XI в.), «Повесть временных лет» монаха Нестора, «Поучение детям» князя Владимира Мономаха, безымянное «Слово о полку Игореве» (XII в.), «Моления» Даниила Заточника (XIII в.) «Задонщину», «Сказание о Мамаевом побоище» (XIV—XV в.), «Никоновскую летопись», «Степенную книгу» (XVI в.), «Синописис» Иннокентия Гизела, «Скифскую историю» Ивана Лызлова,

«Жезл власти» Симеона Полоцкого, произведения Юрия Крижанича и др. (XVII в.).

Все эти исторические сочинения характеризуются тем, что представляют русскую историю как воплощение на практике некоего божественного замысла, в ходе которого человечеству воздается как за добродетели, так и за грехи. Начало истории русского государства, за редким исключением, представляется с княжения равноапостольного и святого Владимира Святославича, осуществившего крещение Руси на базе православного христианства, а расширение границ древнерусской державы тесно связывается с миссионерской деятельностью Русской Православной церкви.

С начала XVIII века религиозно-историческая интерпретация теряет приоритет в осмыслении русской истории, однако ее адепты продолжают свою деятельность, как в научно-исторической, так и писательской среде XVIII — начала XX вв. Православие продолжает оставаться центральной линией исторического процесса в произведениях Е. Е. Голубинского, А. В. Карташева, Н. М. Никольского, А. Д. Нечволодова, М. В. Толстого, А. Д. Шмемана и других. Исключение составляют лишь «Философские письма» («Письма о философии истории») П. Я. Чаадаева. В этих «письмах», увлекавшийся католическими догматами и религиозным мистицизмом мыслитель, заявил о том, что Россия хронически отстает от ведущих стран Запада, так как исповедует ложную религию. По его мнению, только принятие западных религиозно-культурных ценностей могут обеспечить прогресс русского государства. Однако в социальном сознании преобладали православные доктрины, поэтому идеи Чаадаева не нашли какой-либо поддержки и он, объявленный сумасшедшим, был полностью изолирован от общества [26].

В XX веке проявления религиозно-исторической интерпретации наблюдались лишь в исторических сочинениях, вышедших за рубежом. Это объяснялось тем, что после утверждения Советской власти, официальная история России оказалась в жестких рамках марксистско-ленинской методологии. Атеистическое государство не допускало никаких других точек зрения, тем более религиозных. Поэтому лишь в эмигрантских произведениях, касавшихся в первую очередь революции и гражданской войны, встречаются православные трактовки. Следствием забвения Бога, христианских заповедей, предания греховным делам считает возникшую в начале XX века «русскую смуту» один из основателей «белого движения» генерал А. И. Деникин [8]. Подобное толкование событий прослеживается в публицистике, романах и мемуарах другого белогвардейского лидера — генерала П. Н. Краснова [10].

В России религиозно-историческая интерпретация вновь активно заявила о себе только после 1985 г., когда началась «горбачевская перестройка», давшая мощный толчок для развития гласности и плюрализма мнений. В конце XX — начале XXI века российское общество получило интересные работы В. А. Цыпина [25], Д. В. Поспеловского [20], В. Н. Якунина [27], написанные в религиозно-историческом ключе.

С XVIII века в русской истории начинает утверждаться всемирно-историческая интерпретация, занимающая в ней лидирующие позиции и по настоящее время. Предмет исследования этой концепции всеобщий исторический процесс, характерный для всех народов мировой цивилизации. Он понимается как некое линейно-стадиальное движение человеческого общества по пути прогресса: от простого к сложному; от низшего к высшему. Впервые подобное представление человеческой истории фиксируется в трудах Г. Гегеля, затем получает развитие в произведениях К. Маркса. Будучи антиподами в философии (Гегель — идеалист; Маркс — материалист), оба мыслителя в целом одинаково представляли исторический процесс, развивающийся по определенным ступеням, в рамках которых проявляются одинаковые тенденции и закономерности. Так, Гегель выделял некие миры: восточный (азиатский), античный (греко-римский) и европейский (германский). Маркс же называл эти ступени формациями, выделяя азиатскую, рабовладельческую, феодальную и капиталистическую.

К первым русским историкам, воспринявшим подобную концептуально-методологическую интерпретацию истории, можно отнести В. Н. Татищева. В своем труде «История Российская...» он практически признает наличие всемирно-исторического процесса и считает историю России его составной частью. В XIX веке эта позиция была развита в знаменитом историческом трактате Н. М. Карамзина «История государства российского», произведении «западника» С. М. Соловьева «История России с древнейших времен».

Несмотря на то, что всемирно-исторической интерпретации и по сей день придерживается большинство российских историков, она не является непогрешимой и несет в себе серьезные противоречия. К ее позитивным моментам можно отнести возможность выявления общих тенденций и закономерностей исторического развития. Однако, они четко прослеживаются только при анализе истории наиболее развитых западноевропейских стран и США и не всегда проявляются в развитии стран Восточной Европы и России, не говоря уже странах Азии и Африки. Такого рода «европоцентризм» не способен отразить все многообразие и противоречивость мирового исторического процесса.

Кроме того, слабость всемирно-исторической интерпретации заключается в том, что она не представляет собой единого целого и распадается как минимум на три составляющие: историко-материалистическую, либерально-историческую и технологическую (модернизационную). Историко-материалистическая интерпретация базируется на марксистском понимании развития человеческой цивилизации. Ее предметом исследования являются общественные отношения тесно связанные с формами собственности. Исторический процесс представляется в виде смены общественных формаций на основе социально-экономического детерминизма. Главным двигателем прогресса определяется классовая борьба, кульминацией которой являются революции. С приходом в 1917 году в России к власти большевиков эта интерпретация приобретает гла-

венствующий характер и практически вытесняет из русской истории все альтернативные точки зрения. Исторические представления К. Маркса «совершенствуются» в работах М. Н. Покровского и других историков-марксистов. Постепенно в советской методологии выстраивается очень утрированная схема человеческой истории, так называемая «пятичленка», включавшая в себя пять общественно-экономических формаций: первобытно-общинную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую и социалистическую, подразделенную на две фазы — социализм и коммунизм. Исходя из подобного рода представлений, человечество логично движется по пути прогресса к высшей своей стадии развития — коммунизму. Эта теория имела серьезную конъюнктурно-идеологическую подоплеку. Она обосновывала тезис о том, что проведя во главе с большевиками социалистическую революцию в 1917 году, Россия вступила в высшую стадию развития человечества. И таким образом из отсталой страны, сразу же превратилась в самую передовую державу мира. Эта теория не только проповедовала новые исторические представления, но и укрепляла идею миссионерской роли России в мировом процессе, сформировавшуюся еще в рамках религиозно-исторической интерпретации.

Практическая реальность опровергла схоластические постулаты подобного понимания истории. С середины 1980-х гг. историко-материалистическая интерпретация утратила роль единственно правильной теории, превратившись в безбрежном океане «плюрализма мнений» в одну из многих исторических версий.

Либерально-историческая интерпретация начинает проявляться в русской истории со второй половины XIX века. Предметом исследования этого исторического направления является человеческая личность, а сам исторический процесс понимается как освоение человеком окружающей среды, завоевание им различных прав, свобод и т. п. Первым русским историком, подошедшим к либеральному пониманию истории является В. О. Ключевский, высказавший мысль о том, что история России не тождественна истории государства российского, а значительно шире, многообразней и интересней. В своих умозаключениях историк отходит от традиционного изложения исторических фактов и событий, связанных с этапами функционирования русского государства, периодами правления князей, царей и императоров, а акцентирует внимание на деятельности русского народа в ракурсе его культурно-бытового развития.

В «советский период» эта интерпретация не имела права на существование в силу гегемонии официального марксизма-ленинизма. Однако, начиная с середины 1980-х гг. в условиях разрешенного плюрализма, она привлекла к себе внимание многих российских историков и на современном этапе заняла, пожалуй, лидирующие позиции. Сегодня эта концептуальная модель активно используется в трудах С. В. Мироненко [14], Л. И. Семенниковой [22], Ю. Н. Афанасьева [3], Е. В. Анисимова [2], Б. Н. Миронова [15] и других постсоветских историков. Отличительной чертой их понимания

истории России является рассмотрение событий, фактов, процессов не с точки зрения их значимости для укрепления государственного могущества, а с точки зрения заплаченной за это русским народом «цены».

Технологическая или модернизационная интерпретация заявляет о себе в полный голос тоже после разрушения в русской истории «прокрустова ложа» марксизма-ленинизма. Предметом ее исследования определяется технологический процесс, лежащий в основе человеческого прогресса. Исторический процесс представляется в виде политических, экономических, социальных перемен, происходящих на базе научно-технических открытий не зависящих от идеологической сущности господствующих политических режимов. Всемирно-историческая направленность этой концепции выражается в признании определенных стадий, определяющих генеральную линию человеческой истории. Земная цивилизация эволюционирует от аграрного общества к индустриальному, постепенно переходя на информационную (постиндустриальную) ступень. В результате эффективного внедрения в социальную практику научно-технических инноваций одни народы опережают другие, что формирует в одних вариациях излагаемой концепции группы стран «опережающего» и «догоняющего» развития, в других — страны первого, второго и даже третьего «эшелона».

В русской истории подобные взгляды впервые обозначил Н. М. Карамзин, заявивший об отставании России от Запада вследствие существовавшего на русских землях 240-летнего татаро-монгольского ига. Затем эта точка зрения проявилась в трудах историков-западников, восхвалявших реформы Петра Великого, способствовавшие сокращению этого отставания. В конце XX — начале XXI вв. модернизационная составляющая всемирно-исторической интерпретации является основной парадигмой в трудах В. В. Алексеева [1], И. В. Побережникова [18;], С. А. Нефедова [17], А. В. Сперанского [23; 24], О. Л. Лейбовича [11], В. А. Красильщикова [9] и ряда других исследователей отечественной истории.

Локально-историческая интерпретация, как и всемирно-историческая, сформировалась в ложах западной гуманитарной мысли. Предметом ее исследования признаются некие самобытные религиозно-культурные цивилизации, а исторический процесс понимается в виде их самостоятельного функционирования в рамках всеобщего исторического пространства. Каждая цивилизация имеет вполне определенную динамику своего развития, двигаясь от момента зарождения к своему расцвету, после которого неминуемо наступает упадок и гибель. Подобное историческое мышление было характерно для наиболее ярких адептов этой концепции, англичанина А. Тойнби, оформившего свою точку зрения в труде «Постижение истории» и немца О. Шпенглера, изложившего свои представления в книге «Закат Европы».

В русской истории локально-историческая интерпретация никогда не занимала приоритетного положения, но всегда находились оригинальные

авторы, разделявшие эту позицию. Наиболее яркое ее проявление обозначилось в развитии историко-философского течения «евразийства», пытавшегося обобщить идеи уникальности русского социума как в политическом, так и в научном плане. Первоначально евразийские представления имели сугубо политическую окраску, что отразилось в проникновении в общественное сознание теории «Москва — Третий Рим», выдвинутой монахом Спасо-Елеазарова монастыря Филофеем, и ставшей официальной государственной доктриной в период становления и укрепления Московского царства. Политическая направленность евразийства проявлялась и в теории «официальной народности» графа С. С. Уварова, и особенно в воззрениях славянофилов Ю. Ф. Самарина, А. С. Хомякова, К. С. Аксакова братьев И. В. и П. В. Киреевских. В противовес западникам, они отрицали существование всеобщего исторического процесса и полагали, что каждый этнос развивается самобытно на основе некоего «народного духа». Для русских, по мнению «любителей славянства», он выражался в знаменитой триаде: Православие — Самодержавие — Народность.

В научном плане евразийское направление впервые получило аргументированное оформление на рубеже XIX—XX вв. в трудах Н. Я. Данилевского, обратившего внимание на славянство, как на особый культурно-исторический тип с огромными потенциальными возможностями [21] и К. Н. Леонтьева, выделившего в мировой истории особую религиозную славяно-азиатскую цивилизацию [22].

В советской истории подобного рода рассуждения были табуированы, поэтому «евразийство» будоражило сознание только представителей эмиграционных кругов. Они проявлялись в трудах философа и экономиста П. Н. Савицкого, культуролога и искусствоведа П. П. Сувчинского, но особенно ярко были представлены в произведениях историка Г. В. Вернадского. Объясняя самобытный путь развития России, он подчеркивал три основных фактора, влиявших на его специфику. Географический, определивший местонахождение России на двух континентах — Европы и Азии. Духовный, предопределивший слияние европейской и азиатской культуры в причудливый, не имеющий аналогов симбиоз. Политический, обеспечивавший вхождение в состав России многих ранее самостоятельных государств и тем самым вносящий оригинальность и своеобразие в ее управление [23].

В самой России цивилизационные представления об историческом процессе стали открыто высказываться лишь со второй половины 1980-х гг., когда политическая демократизация стала «размывать» казавшиеся ранее незыблемыми бастионы историко-материалистической интерпретации. Коммунистические идеологи конечно надеялись, что логика и простота понимания позволит марксизму-ленинизму выстоять и сохранить лидирующие позиции. Но новая идейная волна, замешанная, как на инновационных, так и на конъюнктурных соображениях, неудержимо смела все преграды «отжившей», как тогда казалось, политической и исторической доктрины. Она породила безбрежное море концептуального хаоса, в котором, наряду

с естественной в подобных ситуациях «пеней» различного рода фантазмагорических версий исторического развития России, нашлось место и оригинальным теориям, заслуживающим внимания профессиональных историков.

К таким теориям вполне можно отнести, выстроенную в локально-историческом ключе, концепцию Л. Н. Гумилева. В условиях господствовавшей в советском государстве политической и научной конъюнктуры, ученый не мог рассчитывать на принятие своих взглядов, поэтому терпеливо ждал своего времени. Только в конце 1980-х — начале 1990-х гг. началась массовая публикация его произведений, превратившая ранее гонимого «оппозиционера от науки» в самого читаемого историка последнего десятилетия XX века.

В своих рассуждениях, взбудораживших научное сообщество, ученый отталкивался от естественнонаучных взглядов В. И. Вернадского, исторической логики Н. Я. Данилевского и политической доктрины «евразийства». Называя себя «последним евразийцем», он рассматривал мировой исторический процесс сквозь призму жизнедеятельности различных этносов, имеющих единую территорию проживания и обладающих некой «пассионарностью», круто замешанной на симбиозе антропологических, психологических, культурологических, географических и климатических факторов. Ученый утверждал, что этнос первоначально находящийся в биосоциальном равновесии, получив пассионарный толчок, приобретает историческую динамику, выражающуюся в строительстве государственности, расширении территории, развитии самобытной культуры. Превратившись в суперэтнос, способный диктовать условия и покорять другие народы, он постепенно растрчивает пассионарность, что приводит к гибели созданной им цивилизации.

Эти теоретические воззрения достаточно интересно экстраполируются «последним евразийцем» на русскую историю. По мнению ученого, пассионарный толчок, начавший процесс образования русского этноса, произошел около 1200 г. Вслед за этим, в результате интеграции «обломков» киево-славянского этноса с носителями литовской, финно-угорской и татаро-монгольской крови происходит становление практически новой цивилизации, исторически закрепившей свое существование рамками Московского централизованного государства. Затем, вплоть до XIX в. русский этнос распространяется в пределах Евразии, объединяя под властью Москвы народы, проживавшие от Прибалтики до Тихого океана. Следуя логике ученого XX и XXI век представляют собой период резкого растрчивания пассионарности, за которым последует спад и неминуемая гибель «московско-петербургской» цивилизации [24].

Конечно, теория Л. Н. Гумилёва не является общепризнанной. Еще в советскую эпоху в ней усматривали «русофобско-спекулятивную сущность», называли «самообманом». И в постсоветский период есть немало критиков, считающих выводы ученого плодом предвзятых идей и авторской фантазии. Мы тоже считаем, что историческая концепция Л. Н. Гумилева, выдержанная в

цивилизационном духе, чрезмерно пессимистична и страдает яркими проявлениями фатализма. И все же, катаклизмы, пережитые Россией в XX веке, а также противоречия, свойственные современному развитию российского социума наводят на глубокие размышления и не позволяют отмахнуться от нее, как от очередной псевдонаучной инновации.

Подводя краткие итоги выше изложенному, отметим, что на современном этапе развития историческая наука России находится в состоянии мучительно сложного перехода к новому качеству. Его вектор направлен от тоталитарной методологии к подлинному научному плюрализму мнений. Сложность и противоречивость обозначенного пути обуславливает трудности нового методологического осмысления российской истории, порождает огромное количество порой совершенно противоположных мнений по одной и той же проблеме. Это порождает концептуальный хаос, мешающий объективной оценке исторических событий, часто приводящий к «брожению умов», принижению роли России в мировом развитии, дезориентирует народные массы в вопросе отношения к собственной истории.

Чтобы выйти из концептуального хаоса можно вернуться к формационному подходу в понимании истории, загнав в очередной раз историческую мысль в «прокрустово ложе» марксизма-ленинизма. Однако при всем уважении к классикам этой интерпретации и логике, созданных ими исторических конструкций, это действие было бы шагом назад как по причине несовершенства ее основополагающих постулатов не способных объяснить все многообразие мирового исторического процесса, так и по причине идейно-политической дискредитации «высшей стадии развития человечества» к которой она призывает идти.

Новой универсальной теории, способной сгладить шероховатости марксизма, и более аргументировано объяснить закономерности и тенденции истории человечества в последние четверть века не сложилось. Современные изыскания в области методологии истории не выдвинули нового общепринятого мессия, способного объяснить все сложности и противоречия развития России. Конечно, попытки утвердить приоритет своих взглядов на русскую историю имеются. Однако, на наш взгляд, принятие новой унифицированной теории, объясняющей все и вся в отечественной и мировой истории, было бы ошибочно. Это символизировало бы возврат к тоталитарной методологии, не терпящей никаких альтернатив.

Любой науке свойственно движение вперед. Поэтому, применительно к истории этот прогресс должен основываться на сохранении и укреплении подлинно научного понимания происходивших ранее событий и равноуважительного отношения к различным концептуально-методологическим интерпретациям, объясняющих их. При условии, если они зиждутся на солидных, подкрепленных широкой источниковой базой, аргументах, а не на сиюминутных псевдоисторических инсинуациях, базирующихся на идейно-политической или коммерческой конъюнктуре. По нашему мнению,

изложение русской истории в современных условиях должно характеризоваться концептуальной историографичностью, то есть отражением всего спектра мнений на известные нам события. Именно с этих позиций должны строиться современные программы и учебники по истории России, подготавливаться новые научные труды.

Литература и источники:

1. Алексеев, В. В. *Общественный потенциал истории* / В. В. Алексеев. — Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2004. — 643 с.
2. Анисимов, Е. В. *История России от Рюрика до Путина: люди, события, даты* / Е. В. Анисимов. — СПб. : Питер, 2013. — 592 с.
3. Афанасьев, Ю. Н. *Опасная Россия: традиции самовласти сегодня* / Ю. Н. Афанасьев. — М. : ИЦ РГГУ, 2001. — 424 с.
4. Блок, М. *Апология истории или ремесло историка* / М. Блок. — М. : Наука, 1986. — 254 с.
5. Вернадский, Г. В. *Русская история* / Г. В. Вернадский. — М. : Аграф, 1997. — 542 с.
6. Гумилев, Л. Н. *Этногенез и биосфера земли* / Л. Н. Гумилев. — М. : Эксмо, 2007. — 760 с.
7. Данилевский, Н. Я. *Россия и Европа* / Н. Я. Данилевский. — М. : Алгоритм, 2017. — 560 с.
8. Деникин, А. И. *Очерки русской смуты [Избранное]* / А. И. Деникин. — М. : Мысль, 1991. — 212 с.
9. Красильщиков, В. А. *Модернизация: зарубежный опыт и Россия* / В. А. Красильщиков. — М. : Инфомарт, 1994. — 115 с.
10. Краснов, П. Н. *Собрание сочинений : в 10 т.* / П. Н. Краснов. — М. : Книгозек, 2012.
11. Лейбович, О. Л. *Модернизация в России: к методологии изучения современной отечественной истории* / О. Л. Лейбович. — Пермь : ЗУУНЦ, 1996. — 156 с.
12. Леонтьев, К. Н. *Восток, Россия и Славянство: Философия и политическая публицистика. Духовная проза (1872—1891)* / К. Н. Леонтьев. — М. : Республика, 1996. — 798 с.
13. Личман, Б. В. *Толерантная история России. Многоконцептуальность* / Б. В. Личман. — Екатеринбург : Изд-во УИЭУиП, 2008. — 158 с.
14. Мироненко, С. В. *Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в.* / С. В. Мироненко. — М. : Наука, 1989. — 240 с.

СПЕРАНСКИЙ Андрей Владимирович, доктор ист. наук, профессор, заведующий сектором политической и социокультурной истории Института истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук (г. Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail: avspersansky@mail.ru

СПЕРАНСКИЙ Петр Андреевич, магистрант департамента «Исторический факультет», Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация). E-mail: pasperanskiy@mail.ru

15. Миронов, Б. Н. *Благосостояние населения и революции в имперской России XVIII — начала XX века* / Б. Н. Миронов. — М. : Весь мир, 2012. — 844 с.

16. Нарочницкая, Н. А. *Россия и русские в мировой истории* / Н. А. Нарочницкая. — М. : Международные отношения, 2003. — 536 с.

17. Нефедов, С. А. *История России. Факторный анализ: в 2 т.* / С. А. Нефедов. — М. : Территория будущего, 2010, 2011. Т. I. — 560 с. Т. II. — 688 с.

18. Побережников, И. В. *Переход от традиционного к индустриальному обществу. Теоретико-методологические проблемы модернизации* / И. В. Побережников. — М. : РОССПЭН, 2006. — 240 с.

19. Побережников, И. В. *Модернизации в истории России: спорные вопросы* / И. В. Побережников // *Мир историка и пространство истории*. — Челябинск : Энциклопедия, 2018. — С. 55—73.

20. Поспеловский, Д. В. *Русская православная церковь в XX веке* / Д. В. Поспеловский. — М. : Республика, 1995. — 511 с.

21. Репина, Л. П. *Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика* / Л. П. Репина. — М. : Кругъ, 2011. — 560 с.

22. Семенникова, Л. И. *Россия в мировом сообществе цивилизаций* / Л. И. Семенникова. — М. : КДУ, 2009. — 784 с.

23. Сперанский, А. В. *Модернизация в России: перекресток мнений* / А. В. Сперанский // *Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII—XX вв.* — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2012. — С. 27—39.

24. Сперанский, А. В. *Российская модернизация в контексте мировой истории: концептуально-методологические интерпретации* / А. В. Сперанский, П. А. Сперанский // *Вестник Уральского института экономики, управления и права*. — 2017. — № 3 (40). — С. 22—30.

25. Цыпин, В. А. *История Русской Православной Церкви. 1917—1997* / В. А. Цыпин. — М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. — 831 с.

26. Чаадаев, П. Я. *Полное собрание сочинений и избранные письма : в 2 т.* / П. Я. Чаадаев. — М. : Наука, 1991. Т. I — 768 с.; Т. II — 672 с.

27. Якунин, В. Н. *Положение и деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.* / В. Н. Якунин. — Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2001. — 400 с.

Поступила в редакцию 9 сентября 2019 г.

RUSSIAN HISTORY AND PRESENT TIME: THE WAY TO PLURALISM

A. V. Speransky¹, avsperskiy@mail.ruP. A. Speransky², pasperskiy@mail.ru¹ Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation² Ural Federal University named after First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

The paper examines process of comprehending Russian history at different stages of development and shows complexity and ambiguity of its perception by historians who expressed different views and beliefs. The paper also gives an analysis of the main interpretations of Russian history in the works of domestic and foreign authors. The paper shows significance, both positive and negative influence on interpretation of historical process by different historical approaches (religious, materialistic, liberal, technological and local). The author's main conclusion is that we need a pluralistic interpretation of Russian history, which gives a truly scientific understanding of past events and processes as well as ensures equal and respectful attitude to various conceptual and methodological interpretations based on a well-reasoned theoretical and factual basis.

Keywords: Russia, history, concept, methodology, interpretation, point of view, argument, scientific approach, pluralism.

References

1. Alekseev V. V. Obshchestvennyj potencial istorii [The social potential of history] / V. V. Alekseev. — Ekaterinburg: Izd-vo UrGU, 2004. — 643 p.
2. Anisimov E. V. Istoriya Rossii ot Ryurika do Putina: lyudi, sobytiya, daty [The history of Russia from Rurik to Putin: people, events, dates] / E. V. Anisimov. — SPb.: Piter, 2013. — 592 p. i dr.
3. Afanas'ev Yu. N. Opasnaya Rossiya: tradicii samovlastiya segodnya [Dangerous Russia: traditions of autocracy today] / Yu. N. Afanas'ev. — M.: IC RGGU, 2001. — 424 p.
4. Blok M. Apologiya istorii ili remeslo istorika [Apology of History or The Historian's Craft] / M. Blok. — M.: Nauka, 1986. — 254 p.
5. Vernadskij G. V. Russkaya istoriya [Russian history] / G. V. Vernadskij. — M.: Agraf, 1997. — 542 p. i dr.
6. Gumilev L. N. Ehtnogenez i biosfera zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth] / L. N. Gumilev. — M.: Ehksmo, 2007. — 760 p. i dr.
7. Danilevskij N. YA. Rossiya i Evropa [Russia and Europe] / N. YA. Danilevskij. — M.: Algoritm, 2017. — 560 p.
8. Denikin A. I. Ocherki russkoj smuty [Izbrannoe] [Essays on Russian Time of Trouble/Selected] / A. I. Denikin. — M.: Mysl', 1991. — 212 p.
9. Krasil'shchikov V. A. Modernizaciya: zarubezhnyj opyt i Rossiya [Modernization: foreign experience and Russia] / V. A. Krasil'shchikov. — M.: Infomart, 1994. — 115 p.
10. Krasnov P. N. Sbornik sochinenij [Collected Works] / P. N. Krasnov. V 10-ti t. — M.: Knigovek, 2012. — 7040 p.
11. Lejbovich O. L. Modernizaciya v Rossii: K metodologii izucheniya sovremennoj otechestvennoj istorii [Modernization in Russia: To the methodology of studying contemporary Russian history] / O. L. Lejbovich. — Perm': ZUUNC, 1996. — 156 p.
12. Leont'ev K. N. Vostok, Rossiya i Slavyanstvo: Filosofiya i politicheskaya publicistika. Duhovnaya proza (1872-1891) [East, Russia and the Slavs: Philosophy and Political Publicism. Spiritual prose (1872-1891)] / K. N. Leont'ev. — M.: Respublika, 1996. — 798 p.
13. Lichman B. V. Tolerantnaya istoriya Rossii. Mnogokonceptual'nost' [Tolerant history of Russia. Multi-conceptuality] / B. V. Lichman. — Ekaterinburg: Izd-vo UIEHUip, 2008. — 158 p.
14. Mironenko S. V. Samoderzhavie i reformy. Politicheskaya bor'ba v Rossii v nachale XIX v. [Autocracy and Reform. Political struggle in Russia in the early XIX century] / S. V. Mironenko. — M.: Nauka, 1989. — 240 p. i dr.
15. Mironov B. N. Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v imperskoj Rossii XVIII — nachala XX veka [The welfare of the population and revolutions in imperial Russia in the eighteenth and early twentieth centuries] / B. N. Mironov. — M.: Ves' mir, 2012. — 844 p. i dr.
16. Narochickaya N. A. Rossiya i russkie v mirovoj istorii [Russia and Russians in World History] / N. A. Narochickaya. — M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003. — 536 p.
17. Nefedov S. A. Istoriya Rossii. Faktornyj analiz [Russian history. Factor analysis] / S. A. Nefedov. V 2 t. — M.: Territoriya budushchego, 2010, 2011. T. I — 560 p. T. II — 688 p.
18. Poberezhnikov I. V. Perekhod ot tradicionnogo k industrial'nomu obshchestvu. Teoretiko-metodologicheskie problemy modernizacii [The transition from traditional to industrial society. Theoretical and methodological problems of modernization] / I. V. Poberezhnikov. — M.: ROSSPEN, 2006. — 240 p.
19. Poberezhnikov I. V. Modernizacii v istorii Rossii: spornye voprosy [Modernization in the history of Russia: debatable questions] / I. V. Poberezhnikov // Mir istorika i prostranstvo istorii. Chelyabinsk: Enciklopediya, 2018, pp. 55 — 73.
20. Pospelovskij D. V. Russkaya pravoslavnaya cerkov' v XX veke [Russian Orthodox Church in the twentieth century] / D. V. Pospelovskij. — M.: Respublika, 1995. — 511 p. i dr.
21. Repina L. P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX-XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika [Historical researches at the turn of the 20th-21st centuries: social theories and historiographical practice] / L. P. Repina. — M.: Krug', 2011. — 560 p.

22. Semennikova L. I. Rossiya v mirovom soobshchestve civilizacij [Russia in the world community of civilizations] / L. I. Semennikova. — M.: KDU, 2009. — 784 p. i dr.
23. Speranskiy A. V. Modernizatsiya v Rossii: perekrestok mneniy [Modernization in Russia: crossroads of opinions] / A. V. Speranskiy // *Modernizatsiya v usloviyakh osvoyeniya vostochnykh regionov Rossii v XVIII — XX vv.* Ekaterinburg: izd-vo Bank kulturnoy informatsii. 2012, pp. 27 — 39.
24. Speranskiy A. V. Rossijskaya modernizatsiya v kontekste mirovoj istorii: konceptual'no-metodologicheskie interpretatsii [Russian modernization in the context of world history: conceptual and methodological interpretations] / A.V. Speranskiy, P.A. Speranskiy // *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava.* 2017. № 3 (40), pp. 22 — 30.
25. Cypin V. A. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [History of Russian Orthodox Church]. 1917 — 1997. / V. A. Cypin — M.: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1997. — 831 p. i dr.
26. Chaadaev P. YA. Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma [Complete works and selected letters] v 2-h tt. / P. Ya. Chaadaev. — M.: Nauka, 1991. T. I — 768 p.; T. II — 672 p.
27. Yakunin V. N. Polozhenie i deyatel'nost' Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941 — 1945 gg. [The status and activities of Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War (1941—1945)] / V. N. Yakunin. — Samara: Izd-vo Samarskogo universiteta, 2001. — 400 p. i dr.

Received September 9, 2019

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сперанский, А. В. Русская история и современность: путь к плюрализму / А. В. Сперанский, П. А. Сперанский // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки».* — 2019. — Т. 19, № 4. — С. 50—57. DOI: 10.14529/ssh190407

FOR CITATION

Speransky A. V., Speransky P. A. Russian history and present time: the way to pluralism. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities.* 2019, vol. 19, no. 4, pp. 50—57. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh190407